

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

H. Birnbaum, J. Schaeken. Das altkirchenslavische Wort: Bildung – Bedeutung – Herleitung. Altkirchenslavische Studien I. München: Sagner, 1997. 190 S. (Slavistische Beiträge; Bd. 348).

Один из ведущих современных славистов, американский ученый Хенрик Бирнбаум, которого нет необходимости представлять российскому читателю (см., в частности, [Бирнбаум 1987]), и голландский исследователь сравнительно молодого поколения, Йос Схакен (известный основательной монографией о Киевских листках [Schaeken 1987]), издали книгу “Старославянское слово. Образование – значение – этимология. Старославянские исследования I”. И название, и избранный авторами язык изложения свидетельствуют, как кажется, о возвращении к добрым традициям славистики, для которой немецкий является языком классическим, а широковебательные подзаголовки типа “A new interpretation” никогда не были характерны; весьма показателен – и может только приветствоваться – неоднократно декларируемый отказ от новомодных концепций и трактовок в пользу традиционных, общепризнанных положений (см., например, с. 16, 84). Из предисловия явствует, что Х. Бирнбаум и Й. Схакен задумали целую серию разысканий о древнейшем письменном языке славян, отражающих современный уровень палеославистики: за первой книгой должна последовать монография “Письменная культура старославянского языка: Памятники языка и их культурно-исторический фон”, а далее – тома о фонетике и морфологии.

Рецензируемая книга состоит из пяти глав (обозначенных буквами – от А до Е). В главе А – “Общие предварительные замечания” – вкратце рассматриваются способы словообразования, присущие ст.-слав. языку, перечисляются его письменные источники, характеризуется состояние исследований в избранной области и формулируются цель и задачи работы. Здесь хотелось бы отметить несколько обстоятельств. Авторы,

пожалуй, впервые учитывают в обобщающем труде не только так называемые канонические ст.-слав. рукописи, но и недавно обнаруженные памятники, долженствующие пополнить канон. Фактологическая полнота работы сопровождается стремлением к описанию всех аспектов “учения о слове, за исключением морфологии” (с. 15). Преимущественное внимание уделяется, однако, словообразованию, наименее изученному и нуждающемуся в новом синтетическом описании.

В предварительных замечаниях к главе В – “Словообразование” (“Wortbildung”) – констатируется богатство и сложность ст.-слав. словообразования и подчеркивается, что авторы стремятся обрисовать лишь его основные черты, без попыток дать материал в полном объеме. На первый план при этом выдвигается диахронный подход, позволяющий проследить происхождение словообразовательных типов.

В образовании существительных авторы выделяют три способа: аффиксацию (Ableitung), в том числе суффиксацию и префиксацию, а также сложение и удвоение. Суффиксы разделяются на флексийные и сложные (комплексные), а флексийные, в свою очередь, – на вокалические (-o-l-j-o-, -ā-l-jā-, -i-, -u-, -ī-) и консонантные (-men-, -en-, -ent-, -es-, -er-). Список ст.-слав. слов, иллюстрирующих флексийные суффиксы, в одном случае желательно было бы дополнить: при перечислении *i-основных существительных (с. 27–28) оказались неуточненными дѣти, хотя далее, по другому поводу, об отнесенности этого существительного к *i-склонению упоминается (с. 33).

Для методических целей очень важными представляются нередкие указания на количество слов, образованных с помощью того или иного суффикса (resp. принад-

лежащих к определенной основе): так, среди имен на *-ten-* фигурируют три masculina и семь neutra, среди образований на *-en-* — пять masculina, к *-ent-* основам причислены семь ст.-слав. существительных и т.д. Вечный дискуссионный вопрос о количестве *-и-* основных имен решается в монографии следующим образом: “несомненными” (*gesicherte*) старыми образованиями по основе на *-и-*, зафиксированными в ст.-слав. памятниках, признаны *волъ, врьхъ, домъ, медъ, полъ*, “вероятными” (*wahrscheinlich*) — *гроздъ, грѣхъ, ледъ, садъ, падь*; особо оговорены формы с суф. *-nūl-nei-*: *санъ, станъ, сынъ, чинъ* (хотя тюркизм *санъ* включен в этот ряд, кажется, напрасно) — а также *сжкъ* (с. 29–30).

Мелкие замечания, возникающие при чтении данного раздела, таковы: непонятно, что должен означать апостроф в транслитерации русск. *roves'nik* (с. 35); греческую параллель к ст.-слав. *братръ* следовало бы дать в виде *φράτηρ*, а не *φράтер* (с. 36).

Сложными считаются суффиксы, у которых вторая часть является одним из флекссионных суффиксов. Они анализируются в монографии в алфавитном порядке, в соответствии с традиционным принципом — по конечному консонантному элементу, который предшествует флекссионному суффиксу, например: *-b-* — *-oba* (*зълѡба*), *-ьba* (*алчьба*), *-qb-* (*голжьбъ*), *-gb-* (*крѣбъ*); *-d-* — *-do* (*стадо*), *-dal-zda* (*стыгда, оузда*, ср. *об-оу-ти*), *-oda* (*агода*), *-ьda* (*правьда*), *-dъ* (*пѣдъ*), *-ѣдъ* (*чѣлѣдъ*) и т.п. Это тщательное перечисление позволяет наглядно представить суффиксальное разнообразие ст.-слав. существительных с диахронической точки зрения, поскольку синхронно во многих случаях суффикс уже не вычленяется. Правда, квалификация существительных *овличик, поморник, загорник* как образований от предложно-надежных сочетаний (*об лице, по море* [почему не *по морю?*]) — с. 39–40) кажется небесспорной: на наш взгляд, здесь имеет место префиксально-суффиксальный способ словообразования (кстати, *подъгорник* и *прѣдъдворник* на с. 53 рассматриваются как префиксальные дериваты, см. об этом ниже). Не вполне понятно, почему *златъ* (**zoltъ*) — это образование с нулевой ступенью корневого гласного (с. 40).

Самое существенное замечание к разделу о суффиксации, дающему весьма подробную информацию о ст.-слав. суффиксах,

вызывает необъяснимое отсутствие в перечне формантов ряда образований на *-v-* (типа *дръжава, молнѣва, пнѣво, съставѣ, рывнѣтъ*); единственный словообразовательный тип с предфлекссионным *-v-* — существительные на *-ство* — помещен среди суффиксов с элементом *-i-* (с. 48).

Небольшой раздел о префиксации существительных (с. 51), в отличие от раздела о суффиксах, практически не содержит этимологической информации. Основным же его недостатком является то, что в большинстве примеров, квалифицируемых как случаи префиксации, выступают совершенно другие способы словообразования:

суффиксальный (так, *достоннѣство* образовано не от **стоинѣство*, а с помощью суф. *-ѣство* от *достоннъ*, *развонникъ* — посредством суф. *-ѣникъ* от *развон*, *сжпръникъ* [на с. 53 ошибочно *сжпръникъ*] — от *сжпръ*; *вѣлазъ, въпросъ* — это не производные от **лазъ* или **просъ*, а отглагольные образования с нулевым суффиксом¹, *вѣскрѣшеник*, *оврѣзаник*, *начало* — не префиксальные дериваты от **крѣшение*, **рѣзание*, **чало*, а суффиксальные — от *вѣскрѣсити, оврѣзати, начати*; то же относится к *ицѣлитель*, *исповѣдъ, отатик* и мн. др.);

префиксально-суффиксальный (в частности, *везбожьство* образовано не с помощью приставки *без-* от *божьство*, а посредством присоединения префикса *без-* и суф. *-ѣство* к производящей основе *бог-*, аналогично — *вештадик, подъгорник* и т.д.);

сложение с суффиксацией (так, *сжпроти-вовѣтрик* — это не образование с приставкой *сж-*, а сложение именных основ *сжпротив-* и *вѣтр-* + суф. *-ик*, причем наличие соединительного *-о-* явно свидетельствует именно о его композитном характере);

аблаут (в корне и/или приставке) с нулевой суффиксацией (*пророкъ* — от *прорешти, съборъ* — от *събьрати, сжпржгъ* — от *съпрашти*).

Смешение морфемного и словообразовательного анализа, демонстрируемое в данном разделе, приводит к тому, что реальные префиксальные дериваты типа

¹ Например, для *вѣлазъ* может быть выстроена следующая словообразовательная цепочка: *лѣсти* → *лазити* → *вѣлазити* → *вѣлазъ*.

неволя, немощь, неправда, прѣмъдрость, прадѣть тонут среди существительных, которые следовало бы поместить в других разделах, к сожалению, отсутствующих в книге. Это смещение тем более досадно, что в непревзойденном до сих пор описании ст.-слав. языка – “Руководстве” А. Вайана [Вайан 1952: 228–234; Vaillant 1964: 206–212] – соответствующие явления описаны вполне корректно.

Краткий раздел о словосложении содержит полезные сведения об этимологии синхронно немотивированных композитов – **господь, потыбѣга (потыпѣга), медвѣдь, гоумно, чловѣкъ** (с. 54; ср. новейшую этимологию последнего слова [Patri 1995]). Среди сложных слов авторы выделяют образования с первым членом – именем существительным (**вогородица**), прилагательным (**чръноризыць**), местоимением (**всьевладыка**), числовым обозначением (**дъводоушикъ**), наречием (**пакыбытник**), предлогом (**междоурѣчник**) [в тексте, видимо, вследствие опечаток, **междоуречник** – с. 56, 136]), глаголом (**немыстыть**). И здесь материал дает возможность для более подробного и точного описания словообразовательной системы, для выделения, наряду с достаточно редкими случаями чистого сложения (**врьтоградъ, всьевладыка, прьвожченникъ**), такого смешанного способа словообразования, как сложение с суффиксацией (**вогородица, вельможа, дрѣводѣла, жестоколѣганынъ**), и для отнесения ряда примеров к другим способам: так, **вѣльмѣпота, цѣломждрик** – это суффиксальные дериваты от **вѣльмѣпъ** и **цѣломждръ** (не зафиксированного ст.-слав. рукописями, но известного из древнерусской письменности), а производные от неизменяемых частей речи (наречий и/или предлогов), равно как и образования с первой частью – падежной формой, являются либо сращениями (**пакыбытник**), либо сращениями с суффиксацией (**пжтышьствник, ржковать, междоурѣчник**), в том числе нулевой (**братоучадъ**).

Анализ субстантивных способов словообразования завершают редкие случаи удвоения – полного (**глаголь, клаколъ, баба**) либо неполного, с усеченным вторым членом (**одежда < *o-de-d-ja, тжътънъ**).

Раздел об адеквативном словообразовании открывается обзором именных прилагательных, причем особое внимание обращено на те лексемы, которые обра-

зованы, в отличие от большинства адеквативов, не с помощью флексийных суффиксов *-o-* или *-ѣ-* (геср. в мужском и среднем и в женском роде), а посредством *-i-*, *-и-*, *-ѣ-*, *-и-*. Перечисляются все реликтовые *-i-*основные образования, которые в ст.-слав. языке уже не склоняются и обнаруживают функциональное сходство с наречиями (**исплънь, разлнчъ**) либо совершенно адвербиализовались (**влизъ, оудобъ**)². К этимологически *-и-*основным прилагательным отнесены **младъ, вѣдръ, сыръ, остръ**, к производным от основ на *-и-* – образования с расширением **-къ** (например, **гладъкъ**), а к производным от этимологических *-ѣ-* и *-и-*основных прилагательных – существительные жен. рода, иногда с расширением: **любъы, старица, чръница, простыни** (правда, аргументы в пользу такой трактовки не приведены). Думается, что в связи с вопросом о субстантивации следовало бы отметить общий генезис прилагательных и существительных, развивавшихся из прежде единой категории имени, с реликтами которой мы встречаемся и в ст.-слав. языке (ср. в [SJS] две статьи **прѣлюводѣи** – существительное и прилагательное).

Кроме того, возражения вызывает отнесение к числу непроемных (*das Simplex*) таких образований на *-j-*, в которых этот *-j-*, очевидно, является не основообразующим суффиксом-детерминативом, а словообразовательным формантом: **чловѣчь, кънажь**.

² С учетом значения церковнославянских памятников как источников по истории ст.-слав. языка здесь уместно привести недавно зарегистрированный нами пример склонения *i*-основного прилагательного, свидетельствующий о том, что несклоняемость изначально отнюдь не являлась конститутивным признаком подобных образований. В раннедревнерусской рукописи гимнографического содержания из собрания РГАДА, Тип. 131, которую Е.М. Верещагин предложил называть “Ильиной книгой”, зафиксирована форма род. пад. мн. числа *неимиши* (ошибочно вместо *неимиш*) от **i*-основного имени *неимъ* “необузданный, дикий”, до сих пор известного (в форме вин. пад. ед. числа *неемъ*) только из перевода Хроники Георгия Амартола (*быкъ неемъ* [Сл XI–XVII, 11: 110]), ср.: ты бо множество *неимиш* · посѣче оучителю сѣ · 130об (канон Кириллу Философу, см. [Верещагин, Крысько 1999: 12]).

Неправильным представляется и написание **везоумль** (с. 58), которое игнорирует реальные примеры с **ь** в ст.-слав. текстах (см. хотя бы **везоумьли**, **везоумью** в [ССС: 81]) и не учитывает того, что наличие в этом имени суф. **-ьл-** (а не **-j-**) доказывалось однотипным церковнославянским образованием **овидьль** [Вайан 1952: 233; Vaillant 1964: 211; 1974: 561–562] (см. также [Соболевский 1900: 401; Diels 1932: 132]).

Разбор сложных суффиксов прилагательных проведен в рецензируемой монографии в целом столь же добросовестно и тщательно, как и анализ суффиксов существительных. Эти адъективные суффиксы разделены авторами на три группы. К первой – продуктивным односоставным (einfach-komplexe) – относятся **-овъ/-евъ**, **-ьбъ**, **-ьскъ** (расцениваемый как германо-балто-славянская изоглосса), **-ьпъ**, **-инъ**, **-итъ**, **-атъ**, **-ѣпъ**, **-авъ**, **-ивъ** и **-ливъ**, **-мъ**. Вторая группа – продуктивные двусоставные суффиксы (zweifach-komplexe) – включает, в зависимости от второй части, образования трех видов: а) со вторым элементом **-ъбъ** – **-ьбъ**, **-ѣбъ** и **-ѣпъ** (**въчерашьбъ**, **въчераштьбъ** – причем специально указано на несколько странный для славянского словообразования агглютинативный характер данных суффиксов), **-инъ**, **-ль** (от заимствованных имен: **авианьбъ**), **-нѣъ** и **-иѣъ** (впрочем, с не вполне надежными примерами, из которых первый – **блазньничъ** – почти наверняка является дериватом на **-j-** от случайно незасвидетельствованного ***блазньникъ** [но не от ***blaznikъ** – с. 65], ср. **блазньо**, **блазньничи**, **блазньничи** в русско-церковнославянских памятниках [СДРЯ; I: 228]); б) со вторым элементом **-ьпъ** – **-овьпъ/-евьпъ**, **-иѣпъ**, **-иньпъ**, **-ивьпъ**; в) со вторым элементом **-ьскъ** – **-овьскъ/-евьскъ**, **-иньскъ**, **-нѣсьскъ**. Третью группу образуют непродуктивные суффиксы (среди которых есть и синхронно невычленимые): **-въ** (**живъ**, **лѣвъ**, **сѣдравъ**), **-дъ** (**блѣдъ**, **радъ**, **сѣдъ**), **-лъ** (**драхъ**, **топлъ**, **млѣ**, **цѣлъ**), **-гъ** (**мждръ**, **старъ**), **-тъ** (**сватъ**, **чистъ**), **-ькъ/-ъкъ** (**горькъ**, **сладъкъ**), **-екъ/-окъ** (**высокъ**, **далекъ**), **-къ** (**великъ**).

С отдельными аспектами приведенной классификации согласиться трудно. Во-первых, неясно, почему к числу односоставных отнесены суффиксы **-ьп-атъ** (**перьнатъ**) и **-l-ivъ** (причем его вариант в постконсонантной позиции **-ьl-ivъ** вообще

не оговорен³). Во-вторых, едва ли можно признать исторически обоснованной характеристику суф. **-мъ** (**невидимъ**, **видомъ**) как изначально причастного: напротив, залоговая функция кристаллизовалась у него лишь постепенно, в процессе грамматикализации залоговой оппозиции актив : пассив (см. [Крысько 1997: 371]). В-третьих, кажется неоправданным включение в группу продуктивных таких суффиксов, которые сами же авторы считают малоупотребительными (**-инъ**, **-ль**, **-нѣъ**, **-иѣъ**, а также **-иѣпъ**, **-иньпъ**, **-ивьпъ** – “совершенно единичные, эфемерные образования” – с. 65). В-четвертых, непонятно, почему к непродуктивным причислен суф. **-ъкъ**, весьма продуктивный на всем протяжении славянской языковой истории (ср. позднейшие русск. **ковкий**, **плавкий**, **шаткий**, **веский** и т.п.). Наконец, констатируя синхронную невычленимость ряда непродуктивных суффиксов, выявляемых лишь на индоевропейском фоне, авторы, вопреки принятой в монографии и заслуживающей всяческого одобрения практике постоянного соотнесения старославянского материала с индоевропейским, никак не аргументируют производный статус таких, например, прилагательных, как **лѣвъкъ**, **хуодъ**, **бѣлъ**, **храбръ**, **сватъ** и др.

Старославянские адъективные композиты разделяются в книге, согласно классификации Р.М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 193], на единичные (с малоупотребительным первым элементом, типа **четверъногъ**, **звѣроадимъ**) и групповые (с высокочастотным первым элементом: **благоеобразнь**, **добероразоумивъ**, **иночадъ** и др.) – хотя, конечно, такое подразделение весьма условно, поскольку базируется лишь на данных ограниченного круга канонических текстов. Как реликт редупликации отмечено прилагательное **гжъгъгъ**.

Раздел о прилагательных завершается кратким рассмотрением местоименных (членных) форм и сравнительной степени.

Переходя к местоимениям, авторы вынужденно изменяют своему до сих пор достаточно строго соблюдавшемуся принципу – разграничивать словообразование и этимологию, поскольку образование местоимений, особенно личных, можно проследить лишь в сравнительно-истори-

³ Параллельный сложный суффикс со вторым элементом **-av-** – **-ьl'av-** – наличествует в ц.-слав. **течьлѣва** “распутная” [Верещагин, Крысько 1999: 12].

ческим плане. Впрочем, и в этих рамках удержаться не удается, так как при анализе отдельных падежных форм приходится выходить за пределы и словообразования, и этимологии и обращаться к чисто морфологическим вопросам. Дискуссионными в данном разделе представляются лишь отдельные положения: вряд ли стоило объединять формы дат. и твор. пад. мн. числа **намъ** и **нами** общим обозначением “*DI-Formen*” (с. 74) – ведь упоминание об энклитике **ны** сразу создает неверное впечатление о существовании такой энклитической формы не только в дative, но и в инструменталисе; излишне и предположение о возможности объяснения сравнительно позднего аккузатива **васъ** не только из род. пад., но и из исконной формы вин. пад. **цѣъ* (с. 75).

Анализируя ч и с л о в ы е с л о в а под традиционным обозначением “*Das Zahlwort*” (“Числительное”), авторы совершенно справедливо указывают, что соответствующие лексемы не образуют единой части речи, но относятся либо к существительным, либо к местоимениям, либо к прилагательным. В данном разделе синхронно-словообразовательный подход по очевидным причинам также заменен этимологическим.

Раздел о г л а г о л е содержит беглый, но достаточно полный обзор различных классов глагольных основ и нефинитных форм глагола. В отдельных случаях авторы несколько модернизируют соотношение презентной и инфинитивной основ, подравнивая инфинитив под формы наст. вр.: так, для презенса **доушж** инфинитив по системным соображениям и с учетом церковнославянских данных лучше восстановить в виде **дѣхати**, а не **дѣхати** (с. 88, см. [Вайан 1952: 302; Vaillant 1964: 275; 1966:316]), для **лижж** – **лъзати**, а не **лизати** (с. 93, см. [Вайан 1952: 301; Vaillant 1964: 274], ср. также имперфект **лъзаху** в русско-церковнославянском Прологе 1383 г. [СДРЯ, IV: 447])⁴. Кроме того, огорчает отсутствие собственно словообразовательного описания глагольной системы.

Заключительный раздел главы о словообразовании посвящен н е и з м е н я е м ы м частям речи. К краткому, но вполне

исчерпывающему перечислению словообразовательных типов наречий хотелось бы добавить лишь небольшой и не претендующий на окончательное решение вопроса комментарий, касающийся загадочного мультипликативного суф. *-šdy/-šdy /-šdi /-šti* (с. 99). На наш взгляд, наличие в древнерусских памятниках вариантов **-шды** (например, *многошды, тришды* в Изборнике 1076 г., Выголексинском сборнике конца XII в., Успенском сборнике XII/XIII вв. и мн. др.), **-шда** (*клишда* в Ефремовской кормчей XII в., 1776 [СДРЯ, III: 209])⁵, *иношда* в Троицком сборнике XII/XIII вв., 177, см. [Крысько 1998: 201], *трѣшда* в Сильвестровском сборнике втор. пол. XIV в., 1066, *елижда, колижда, дважда, многожда* в Словах Григория Богослова конца XIV в., 716, 84в, 91в, 136а, *четырижда* в Софийском сборнике XIV/XV вв., 11в [по СДРЯ и Картотеке СДРЯ] и др., см. [Срезн., s.v. *многожда, трижда*; Соболевский 1913: 387–388; Tangl 1954: 144–145]) и **-шдѣ** (недавно обнаруженного в новгородской берестяной грамоте № 752 конца XI в.: *тришдѣ*, ср. [Зализняк 1995: 231], – и зафиксированного нами в Пандектах Никона Черногорца по списку перв. пол. XIV в., ГИМ, Муз. 3449: *многошдѣ* 21в, *тришдѣ* 476) подтверждает догадку П.С. Кузнецова о причастном происхождении **-шды** [Борковский, Кузнецов 1963: 309], а точнее – позволяет интерпретировать эти форманты как восходящие герм. к действительному причастию наст. вр. (в южнославянской огласовке – *šdy*, в восточнославянской – *šda*) и действительному причастию прош. вр. (*šdѣ*) от глагола, который, по-видимому, правомерно реконструировать с аблаутом – в виде **šisti* < **šeidtei* < **šeid-*: **šdq* < **xid-* (ср. **čisti*: **čьtq*, **cvisti*: **свьtq*, см. [Vaillant 1966: 148, 149, 176]) – и который являлся таким же производным для интератива *ходити* и deverбатива *оушидѣ* “беглец”, как *нисти* (< **neiz-*): *нѣзоу* (< **niz-*) – для *-нозити* и *обнизѣ*, *пронизѣ* (ср. [Пjinskiј 1913: 13–14; Diels 1932: 94; Трупицко 1947: 15–16; Vaillant 1966: 411]). На фоне широкой синонимии глаголов движения сосуществование этой лексемы с *iti*, так же как и позднейшая (хотя и письменная) контаминация их парадигм (*iti*, *ждq* – *šdѣ*, *šdlѣ*), не вызывают удивления. В сочетании с

⁴ Русско-церковнославянские источники позволяют расширить этот аблаутный подкласс глаголом (*раз*)**гѣбати**, (*раз*)**гоублю**, ср.: *разгѣбавѣ* (διήνοιξας) Ильина книга, 480б, *гѣбати* СбТр к. XIV, 1850б [СДРЯ, II: 406] – *разгублють* (ἀναπτύξουσιν) Пятник., 149, XIV в. [Сл XI–XVII, 21: 177].

⁵ У А.И. Соболевского [Соболевский 1913: 387] – по всей видимости, вследствие опечатки – *влишды*.

обстоятельным винительным или родительным (см. [Крысько 1997: 63, 68, 158]) в форме ед. (*ino* – вин., *sedmi* – род.), дв. (*dъva*) или мн. числа (*tri*, *tъnoga*) и с наречиями (*koli*, *jeli*) причастные формы глагола **sisti* образовывали конструкции с семантикой типа “много (два (раза)⁶, три (раза)...) ступив, пройдя / ступая, идя”⁷. Универбация этих словосочетаний привела к превращению глагольных форм в аффиксы, а контаминация генетически отглагольного форманта -*шьды* с наречным суф. -*шти* (см. [ЭССЯ, 5: 187, 193]), особенно вероятная после падения редуцированных, обусловила возникновение гибридных написаний -*шьди* (вместо -*шьды*), -*шди* (вместо -*шти*). Тем самым применительно к ст.-слав. материалу кажется резонным говорить только о двух суффиксах счетных наречий: -*шьды* и -*шти* – и об их вторичных вариантах -*шди* и -*шдн*⁸.

Глава С – “Семантика” (“Wortbedeutung”) – включает сведения о синонимике, а также списки различных групп лексики: из сферы повседневной жизни, природных явлений, христианско-религиозной области, правовой и политико-административной сферы.

Глава D – “Этимология” (“Wortherleitung”) – продолжает и венчает этимологические экскурсы, в обилии рассеянные по предыдущим главам. Авторы разделяют

⁶ Ср. использование вин. и род. пад. от счетных имен в мультипликативном значении без определяемого существительного: *кланъшюса три десѣти* (Синайский патерик XI в., 129об [Крысько 1997: 66]), *двою “дважды”* [Сл XI–XVII, 4: 195]), *рѣша же три десѣте “тридцать раз”* в ц.-слав. рукописи XV в. [Соболевский 1913: 387].

⁷ О вторичном характере наречий типа *однажды*, *единожды* см. [Tangl 1952: 214]; *многизды*, *одинизды*, *стижды*, судя по всему, отражают аналогическое обобщение -и- (ср. [Tangl 1954: 139]).

⁸ Другие варианты суффикса: -*шьду* (*тришьдоу* [Соболевский 1913: 387; Карский 1913: 475]), -*ждѣ* (*многождѣ* в Пандектах Никона Черногорца конца XIV в., 326 [по Картотеке СДРЯ]), также, очевидно, связаны, как справедливо полагал Ю. Трыпучко, с “многообразием” (*wielopostaciowość*) наречий [Трыпучко 1947: 27], с влиянием различных по происхождению формантов (ср. -у/-ю в *дъвоицоу*, *дъвократию*, *ѣдиною*, -ѣ в *дъвоичѣ* [СДРЯ]).

ст.-слав. лексику с точки зрения проис-хождения на и с к о н н ы е (унаследован-ные) слова (Erbwörter), в том числе общеславянские, праславянские, балтославянские и индоевропейские, н е о л о г и з м ы (Neuschöpfung), обязанные своим возникновением языковому гению Константина-Кирилла и языковому чутью его соратников, к а л ь - к и (Lehnprägungen), трудно отделимые от неологизмов (*градъникъ* – *πολίτης*, *доброговѣинъ* – *εὐλαβής*), и з а и м с т в о - в а н и я – либо морфологически освоенные, т.е. склоняемые (Lehnwörter – *богъ*, *кънась*, *къингы*), либо грамматически не освоенные (Fremdwörter – *авва*, *серафимъ*). Недочетом данной главы является, по нашему мнению, отсутствие примеров собственно неологизмов, которые, хотя и выделены в самостоятельную группу лексики, в тексте никак не отграничены от калек.

Если разобранные выше главы монографии, при всей оригинальности подачи материала и широте использованной литературы, все же в значительной своей части являются синтезом уже известного, то последняя глава (Е) – “Приложение: Лексика новонайденных рукописей и надписей” – вводит читателя в потерянный и обретенный мир лишь недавно открытых и даже еще не полностью опубликованных текстов. Правда, некоторые из этих памятников (например, Енинский апостол или Боянский палимпсест) знакомы российским исследователям благодаря публикациям болгарских коллег, вполне доступным в прежние годы, большинство же если и известны у нас, то главным образом понаслышке. В рецензируемой монографии вкратце охарактеризованы (с прибавлением достаточно подробных сведений о словарном составе) следующие новонайденные источники (далее указываем их публикации, порой вышедшие уже после сдачи рецензируемого труда в печать): *глаголические* – Санкт-Петербургский октоих (частично опубликован: [Lunt 1958]), Зографский палимпсест [Добрев 1971], Боянский палимпсест [Добрев 1972], Синайский отрывок [Altbauer, Mareš 1980], новая часть Синайского евангелия (факсимиле – [Tarnanidis 1988: 219–247], наборный глаголический текст – [Schnitter, Miklas 1993: 163–218]), новая часть Синайской псалтыри [Mareš, ed. 1997], Псалтырь Димитрия (из 145 листов опубликованы отдельные отрывки: [Tarnanidis 1988: 91–100, 192]), Синайская минея (несмотря на небольшой объем сохранившегося фрагмента 2 листа, издана лишь частично: [Tarnanidis 1988: 196–197; 1990]), Синайский миссал

(описан, но не опубликован: [Tarnanidis 1988: 103–108]), к и р и л л и ч е с к и е – Енинский апостол [Мирчев, Кодов 1965], Софийская триодь [Кодов 1966], Ватиканское евангелие [Кръстанов и др. 1996]⁹; кроме того, упомянуты некоторые лексемы, подчеркнутые из вновь открытых древнеболгарских надписей (см. сводные издания [Смядовски 1993; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994]).

Заслугой Х. Бирнбаума и Й. Схакена следует признать не только сведение воедино всей доступной ко времени написания книги информации о перечисленных памятниках, но и, в особенности, составление полных списков лексем, отсутствующих в текстах ст.-слав. канона и лишь частично отраженных в старославянской лексикографии. В отдельных случаях, однако, представляется необходимым уточнить приводимые начальные формы. Так, последовательность [дл] в **мѣдль** или **мѣдливъ** (Енинский апостол; с. 140–141) – т.е. в позиции, не испытывавшей, в отличие от **длань**, метатезы плавного, – до эпохи падения редуцированных в ст.-слав. языке невозможна, и раннедревнерусские тексты однозначно свидетельствуют в пользу [дъл] – тогда как корень правильное было бы передавать через **ъ**: **мѣдльивъ** [Крысько 1996: 28]. Аккузатив **рѣдоковъ**, зафиксированный в медицинском приложении к Псалтыри Димитрия (с. 147), естественнее возводить не к **ἀπαξ** λευόμενον ***рѣдоковъ** (***n-masculinum?**), а к хорошо известному из церковнославянских памятников ***й-femini-nim** (с вокализмом корня, колеблющимся по отдельным языкам) **рьдыкы** / **редькы** [Фасмер 1996, III: 460] – в данном случае, видимо, в огласовке **рѣдыкы** (род. пад. **рѣдыкъве**, вин. пад. **рѣдыкъвъ**, с отражениями процесса падения редуцированных – **рѣдоковъ**). Другое название растения из того же фрагмента, **чрѣмошъ**, ввиду русской параллели **черемша** также правомернее изобразить в нормализованной форме с редуцированным: **чрѣмъшь**. Напротив, **кдинодоушьвнъ** (Синайская минея; с. 149) лучше было бы передать в виде **кдинодоушьевнъ**.

Достойным завершением обобщающего труда двух ученых являются монументальный список литературы (с. 153–170), охватывающий почти всю релевантную литературу по палеославистике, особенно после-

военного периода, и подробнейший указатель слов, упоминаемых в книге (с. 171–190). Иногда, впрочем, этот указатель может дезинформировать читателя, поскольку демонстрирует под одной леммой омонимы (так, существительное **дѣти**, встречающееся на с. 33, помещено среди отсылок к глаголу **дѣти**¹⁰, а существительное **небо** объединено с союзом **небо**, разбираемым на с. 109) либо, наоборот, разбивает одну лексему на две (для **plurale tantum** **кънѣгѣ** приведены леммы **кънѣга** и **кънѣгы**).

В целом монография Х. Бирнбаума и Й. Схакена должна быть оценена как весьма полезный труд, соединяющий полноту обзора с современными трактовками, глубину освещения материала с доступностью и традиционностью – в лучшем смысле этого слова. Нет сомнения, что она станет настольной книгой для всех интересующихся славянской языковой историей (и, приходится добавить, читающих по-немецки). Остается лишь пожелать авторам продолжить их сотрудничество в соответствии с тем впечатляющим планом, который намечен в предисловии¹¹, а российскому читателю – увидеть перевод монографии на русский язык, естественно, с устранением отмеченных недочетов¹².

¹⁰ Заметим, что на с. 22 для этого глагола ошибочно указано 1-е л. ед. числа наст. вр. (**дѣждѣ**), хотя в других случаях приведена правильная форма **деждѣ** (с. 86, 93, 133).

¹¹ Во время редакционной работы над рецензией вышла в свет вторая часть "Старославянских исследований" – "Старославянская письменная культура: История – Звуки и письменные знаки – Памятники языка (с отрывками из текстов, глоссарием и образцами словоизменения)" [Schaeken, Birnbaum 1999], имеющая, насколько можно судить по предварительному просмотру (обе части доступны в компьютерном варианте), более справочный и методический характер.

¹² Рецензия написана в период стажировки автора в Упсальском университете, субсидированной Шведским фондом интернационализации высшего образования и исследований (STINT). Материал "Ильиной книги" исследовался в рамках работы по проекту "Лингвистическое исследование и подготовка к изданию архаичного источника – Ильиной книги" (грант РФНФ № 99-04-00102а).

⁹ Более подробный обзор указанных источников см. в недавней публикации одного из соавторов [Schaeken 1998].

- Бирнбаум Х. 1987 – Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1963 – Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Вайан А. 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Вережанин Е.М., Крысько В.Б. 1999 – Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // ВЯ. 1999. № 2.
- Добрев И. 1971 – Палимпсестовите части на Зографското евангелие // Константин-Кирил Философ: Доклады от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София. 1971.
- Добрев И. 1972 – Глаголическият текст на Боянския палимпсест: Старобългарски паметник от края на XI век. София, 1972.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Карский Е.Ф. 1913 – Архангельское Евангелие 1092 г. // РФВ. 1913. Т. 69.
- Кодов Х. 1966 – Фрагмент от старобългарски ръкопис с глаголическа приписка // Климент Охридски: Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му. София, 1966.
- Кръстанов Т. и др. 1966 – Кръстанов Т., Тотоманова А.-М., Добрев И. Ватиканско евангелие: Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502. София, 1966.
- Крысько В.Б. Маргиналии к "Старославянскому словарю" // ВЯ. 1996. № 5.
- Крысько В.Б. 1997 – Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 1997.
- Крысько В.Б. 1998 – Поправки к I–IV томам Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) // RLing. 1998. V. 22. № 2.
- Мирчев К., Кодов Х. 1965 – Енински апостол: Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV. М., 1988–1991.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–24. М., 1975–1999.
- Смядовский С. 1993 – Българска кирилска епиграфика, IX–XV век. София, 1993.
- Соболевский А.И. 1900 – ЖМНП. 1900. Ч. 327 – Рец.: Щепкин В.Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899.
- Соболевский А.И. 1913 – Редкая форма местного падежа // РФВ. 1913. Т. 69.
- Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка (репринт. изд.). Т. I–III. М., 1989.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- Фасмер М. 1996 – Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. СПб., 1996.
- Цейтлин Р.М. 1977 – Лексика старославянского языка. М., 1977.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–25. М., 1974–1999.
- Altbauer M., Mareš F.V. 1980 – Fragmentum glagoliticum Evangeliarii palaeoslovenici in codice Sinaitico 39 (palimpsestum) // Anz. der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. 1980. Bd. 117. Hft. 6.
- Diels P. 1932 – Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932.
- Ijinskij G.A. 1913 – Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slavischen Sprachen // AfslPh. 1913. Bd. 34. Hft. 1.
- Lunt H.G. 1958 – On Slavonic palimpsests // American contributions to the Fourth International congress of slavists, Moscow, September 1958. 's-Gravenhage, 1958.
- Mareš F.V., ed. 1997 – Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N). Wien, 1997.
- Patri S. 1995 – Une mutation lexicale en slave commun: les noms de l'homme // Slavia. 1995. Roč. 64. Seš. 4.
- Popkonstantinov K., Kronsteiner O. 1994 – Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. Salzburg, 1994. (Die slawischen Sprachen; Bd. 36).
- Schaeken J. 1987 – Die Kiever Blätter. Amsterdam, 1987.
- Schaeken J. 1998 – Palaeoslovenica. Würdigung neuentdeckter Handschriften // Dutch contributions to the Twelfth International congress of slavists, Cracow: Linguistics. Amsterdam; Atlanta, 1998.
- Schaeken J., Birnbaum H. 1999 – Die altkirchenslavische Schriftkultur: Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern). Altkirchenslavische Studien II. München, 1999 (Slavistische Beiträge; Bd. 382).
- Schnitter M., Miklas H. 1993 – Kyrillomethodianische Miscellen // Anz. für slav. Philologie. 1993. Bd. 22/1.
- SJS – Slovnsk jazyka staroslověnského. 1–52. Praha, 1958–1997.
- Tangl E. 1952 – ZfslPh. 1952. Bd. 21 – Rec.: Trypučkoj. Słowiańskie przysłówki liczebnikowe typu stesł. dvašdi, trišti. Uppsala, 1947.

- Tangl E. 1954 – Zur Bildung der Multiplikativa auf -šdy // *ZfslPh*. 1954. Bd. 22.
- Tarnanidis I.C. 1988 – The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki. 1988.
- Tarnanidis I.C. 1990 – Glagolitic canon to Saints Peter and Paul (Sin. Slav. 4/N) // *Filologia e letteratura nei paesi slavi*. Roma, 1990.
- Trypućko J. 1947 – *Stowiarfskie przysłówki liczebnikowe typu stęst. dvašdi, trišti*. Uppsala, 1947.

- Vaillant A. 1964 – Manuel du vieux slave. T. I: Grammaire. P., 1964.
- Vaillant A. 1966 – Grammaire comparée des langues slaves. T. III: Le verbe. P., 1966.
- Vaillant A. 1974 – Grammaire comparée des langues slaves. T. IV: La formation des noms. P., 1974.

В.Б. Крысько

Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: "Наука", 1996. 264 с.

Вышла из печати очередная и – не побоимся сказать об этом сразу же – одна из лучших монографий в серии "Теория функциональной грамматики" (ТФГ). Читатель, который внимательно следит за развернувшимися с 1987 года исследованиями функционально-семантических полей, "объединяющих средства выражения основных семантических категорий грамматики" [ТФГ 1996: 3], теперь может познакомиться с проблематикой качественности и количественности в интерпретации авторов, разделяющих основополагающие теоретические позиции лингвистической школы, признанным лидером которой является А.В. Бондарко.

Серия еще не завершена (настоящая монография – предпоследняя) и делать окончательные обобщения о ней еще рано, но уже сейчас ясно: перед нами труд, не имеющий аналогов в отечественной лингвистике ни по широте и многоплановости привлекаемого материала, ни по той исключительной последовательности, с которой проводятся в жизнь основные методологические установки данной теории.

Один из главных методологических принципов, о котором, прежде чем перейти к обзору содержания книги, нам хотелось бы сказать отдельно и от отношения к которому в первую очередь зависит полученное читателем впечатление, – отказ от идеи независимости грамматики и лексики. Многие говорят, что грамматическое, то есть регулярное, обязательное, семантическое обобщенное, частотное, предсказуемое, характеризующее открытые классы единиц должно изучаться иначе и описываться иными правилами и иными содержательными обобщениями, чем лексическое, свойства которого прямо противоположны – лексические явления происходят в закрытых классах единиц,

лексические значения конкретны и специфичны, в лексике регулярна нерегулярность и обязательна необязательность. Все как будто свидетельствует о том, что метод, которым мы пользуемся, когда хотим узнать нечто содержательное о грамматике, должен быть иным, чем тот, с помощью которого познается лексика.

Теория функциональной грамматики с этим не спорит. Но именно такое положение вещей и является для нее отправным пунктом теоретизирования: коль скоро лексика и грамматика настолько отличаются друг от друга, познающий может легко упустить из виду связующее звено – то фундаментальное свойство, что обе они обеспечивают язык возможностью отправлять свои основные – коммуникативную и когнитивную – функции. Все знают, что сходные значения могут в языке выражаться разноструктурными средствами. Но, пожалуй, только теория функциональной грамматики беспокоится о том, чтобы "характеристики значений, базирующиеся на одной и той же семантической категории", не оказались "рассеянными по разным частям грамматики" [ТФГ 1987: 3]. Выход, который предлагает ТФГ, достаточно радикален: провозглашается "отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых (...) формальных средств, т.е. формальная неограниченность" (разрядка наша. – С.Т.) [ТФГ 1987:38]. Принцип формальной неограниченности, обеспечивающий теории формальную полноту, предопределен подходом к предмету исследования: функциональная грамматика нацелена "на изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды;